

СУД ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Колоса Д.Г.
(дело № СЕ-1-2/5-21-КС)

город Минск

27 апреля 2021 года

Коллегией Суда Евразийского экономического союза 27 апреля 2021 г. вынесено решение по делу по заявлению общества с ограниченной ответственностью «ДХЛ Глобал Форвардинг» о признании бездействия Евразийской экономической комиссии не соответствующим международным договорам в рамках Евразийского экономического союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Считаю принятие к производству Коллегией Суда Евразийского экономического союза (далее, соответственно, – Коллегия Суда, Суд) заявления общества с ограниченной ответственностью «ДХЛ Глобал Форвардинг» (далее – ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг», истец) постановлением от 1 марта 2021 г. и последующее удовлетворение требований истца решением от 27 апреля 2021 г. противоречащими Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (далее, соответственно, – Договор, Союз), международным договорам в рамках Союза, Статуту Суда Евразийского экономического союза, являющемуся приложением № 2 к Договору (далее – Статут Суда), и Регламенту Суда Евразийского экономического союза, утвержденному Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 101 (далее – Регламент Суда).

Регламент Суда наделяет судью правом в случае несогласия с решением Суда или его отдельными положениями заявить особое мнение при вынесении решения Суда (пункт 1 статьи 79 Регламента Суда).

Не соглашаясь с вынесенными Коллегией Суда постановлением от 1 марта 2021 г. и решением от 27 апреля 2021 г., пользуясь предоставленным мне правом, заявляю особое мнение.

1. Обстоятельства дела

Как следует из материалов дела, истец как таможенный представитель в 2016 году произвел декларирование товара, ввозимого на таможенную территорию Союза декларантом – обществом с ограниченной ответственностью «ДжиИ Рус» (далее – ООО «ДжиИ Рус»). Указанный истцом при декларировании классификационный код товара был изменен таможенным органом по результатам камеральной проверки, в адрес истца и ООО «ДжиИ Рус» направлено требование об уплате дополнительно начисленных сумм таможенных платежей и пени, которое в 2018 году исполнено ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг» в рамках солидарной с ООО «ДжиИ Рус» обязанности.

В последующем уплаченные истцом суммы не были компенсированы ему декларантом, решениями арбитражных судов Российской Федерации ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг» отказано во взыскании указанных сумм с ООО «ДжиИ Рус».

18 ноября 2020 г. истец обратился в Евразийскую экономическую комиссию (далее – Комиссия, ответчик) с просьбой обеспечить соблюдение и применение в Российской Федерации норм права Союза, регламентирующих исполнение декларантами и таможенными представителями солидарной обязанности по уплате таможенных платежей. В обоснование своей позиции истец указал, что суды Российской Федерации отказали ему как таможенному представителю в регрессном взыскании с декларанта уплаченных при исполнении солидарной обязанности сумм таможенных платежей.

В ответе от 21 декабря 2020 г. Комиссия отказала ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг» в совершении требуемых от нее действий, поскольку вопросы, связанные с правом таможенного представителя на регрессное взыскание с декларанта уплаченных при исполнении солидарной обязанности сумм таможенных платежей, не регламентированы правом Союза в сфере таможенного регулирования. Комиссия также отметила, что в соответствии с Таможенным кодексом Евразийского экономического союза, являющимся приложением № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г., вступившим в силу с 1 января 2018 г. (далее – ТК ЕАЭС), отношения таможенного представителя с декларантом строятся на договорной основе, в связи с чем урегулирование их взаимных претензий и требование компенсаций должно осуществляться в рамках гражданских правоотношений в соответствии с национальным законодательством государств – членов Союза.

2. Обоснование особого мнения

2.1. Право таможенного представителя на регрессное взыскание с декларанта уплаченных при исполнении солидарной обязанности сумм таможенных платежей не регламентировано актами права Союза и регулируется исключительно национальным законодательством государств-членов.

Нарушенные, по мнению истца, права и законные интересы не предоставлены ему правом Союза, а для Комиссии в рассматриваемом деле отсутствуют акты права Союза, которые могли бы являться предметом мониторинга и контроля их исполнения государствами-членами.

Данный спор не связан с вопросами реализации актов права Союза, в связи с чем у Суда отсутствует компетенция *ratione materiae* на его рассмотрение.

2.2. В заявлении в Суд истец в качестве обоснования нарушения его прав и законных интересов указал на то, что в Российской Федерации не обеспечена реализация норм пункта 2 статьи 12, пункта 4 статьи 16, пункта 1 статьи 75, статьи 79 международного договора в рамках Союза – Таможенного кодекса Таможенного союза (Договор о Таможенном кодексе таможенного союза принят Решением Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества от 27 ноября 2009 г. № 17, действовал до 1 января 2018 г., далее – ТК ТС), а также аналогичных норм статьи 50, пункта 1 статьи 51, пункта 3 статьи 55, пунктов 1 и 2 статьи 401, пунктов 4 и 7 статьи 405 ТК ЕАЭС, устанавливающих солидарную обязанность декларанта и таможенного представителя.

В рассматриваемой ситуации декларирование и ввоз товара осуществлялись в 2016 году (в период действия ТК ТС), тогда же возникла обязанность по уплате таможенных платежей. Дополнительно начисленные по результатам проверки таможенные платежи были уплачены истцом в 2018 году (после вступления в силу ТК ЕАЭС).

В соответствии с пунктом 1 статьи 444 ТК ЕАЭС он применяется к отношениям, регулируемым международными договорами и актами в сфере таможенного регулирования и возникшим со дня его вступления в силу.

Согласно пункту 2 указанной статьи по отношениям, регулируемым международными договорами и актами в сфере таможенного регулирования, возникшим до вступления ТК ЕАЭС в силу, ТК ЕАЭС применяется к тем правам и обязанностям, которые возникнут со дня его вступления в силу, с учетом положений, предусмотренных статьями 448 – 465 ТК ЕАЭС.

Рассматриваемые отношения, связанные с декларированием и ввозом товара, а также обязанность по уплате таможенных платежей возникли в период действия ТК ТС, в связи с чем момент уплаты

ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг» дополнительно начисленных сумм таможенных платежей не влияет на выбор применимого права.

Анализ приведенных истцом норм ТК ТС свидетельствует об отсутствии в их содержании даже упоминания солидарной обязанности таможенного представителя и декларанта.

Так, пункт 2 статьи 12 ТК ТС определяет правовой статус и полномочия таможенного представителя в условиях осуществления им деятельности посредством включения в реестр таможенных представителей.

Пунктом 4 статьи 16 ТК ТС установлена недопустимость ограничения обязанностей таможенного представителя перед таможенными органами договором с представляемым лицом.

В пункте 1 статьи 75 ТК ТС определен объект обложения таможенными пошлинами и налогами.

Статьей 79 ТК ТС к плательщикам таможенных пошлин и налогов отнесены декларант или иные лица, на которых возложена обязанность по их уплате.

Изучение иных норм ТК ТС показывает, что солидарная обязанность таможенного представителя и декларанта затрагивается в них исключительно фрагментарно и обусловлена определенными фактическими обстоятельствами, не связанными с рассматриваемым делом, – при незаконном перемещении товаров через таможенную границу (пункт 2 статьи 81 ТК ТС) и в отношении иностранных товаров, помещаемых (помещенных) под таможенную процедуру таможенного транзита (пункт 6 статьи 227 ТК ТС). Кроме того, переходные положения ТК ТС содержат правила о прямой зависимости необходимости предоставления таможенным представителем обеспечения уплаты таможенных пошлин и налогов от наличия или отсутствия в законодательстве государства – члена таможенного союза правил о солидарной обязанности декларанта и таможенного представителя, а также обязательства государств-членов, законодательство которых не содержит такой солидарной обязанности, предусмотреть ее в актах национального права в течение одного года (пункт 4 статьи 367 ТК ТС).

В период применения ТК ТС в Российской Федерации действовал Федеральный закон от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации», пункт 6 статьи 60 которого предусматривал, что при декларировании товаров и (или) их выпуске таможенный представитель несет солидарную с декларантом или иными представляемыми им лицами обязанность по уплате таможенных платежей в полном размере суммы подлежащих уплате таможенных платежей вне зависимости от условий договора таможенного представителя с декларантом и иными представляемыми им лицами.

Таким образом, в период действия ТК ТС солидарная обязанность декларанта и таможенного представителя по уплате таможенных платежей не была урегулирована правом Союза, а устанавливалась и применялась в соответствии с национальным законодательством Российской Федерации и других государств-членов (исключение составляют приведенные выше обстоятельства, предусмотренные пунктом 2 статьи 81, пунктом 6 статьи 227, пунктом 4 статьи 367 ТК ТС, которые не связаны с рассматриваемым делом).

В постановлении от 12 декабря 2016 г. по делу по заявлению общества с ограниченной ответственностью ТП «Руста-Брокер» об оспаривании бездействия Комиссии Коллегия Суда пришла к аналогичному выводу о том, что вопрос применения механизма солидарной ответственности таможенного представителя в период действия ТК ТС регулировался национальным законодательством государств – членов Союза.

Вопросы последующих регрессных требований при исполнении солидарной обязанности никогда не регламентировались правом Союза, их регулирование осуществлялось и осуществляется исключительно национальным законодательством государств-членов.

Изложенное подтверждает, что данный спор не связан с реализацией ТК ТС, нарушенные, по мнению истца, права и законные интересы не предоставлены ему ТК ТС и находятся в сфере регулирования национального законодательства государств-членов, а доводы ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг» об обратном являются несостоятельными.

Коллегии Суда необходимо было проанализировать фактические обстоятельства дела и правовые нормы, действовавшие в период возникновения спорных правоотношений, правильно определить применимое право, констатировать отсутствие в применимом праве Союза релевантных норм, устанавливающих солидарную обязанность таможенного представителя и декларанта и правила регрессного взыскания сумм при ее исполнении, и сделать вывод об отсутствии компетенции Комиссии на совершение требуемого от нее истцом действия, а также об отсутствии компетенции Суда на рассмотрение данного дела. Вместо этого Коллегия Суда, сославшись на пункт 4 статьи 367 ТК ТС, пришла к внутренне несогласованному и противоречащему ТК ТС выводу о том, что солидарная обязанность декларанта и таможенного представителя по уплате таможенных пошлин, налогов была закреплена правом таможенного союза и реализовывалась в законодательстве государств-членов в соответствии с ТК ТС, при этом используя в качестве обоснования своих правовых позиций нормы исключительно ТК ЕАЭС.

2.3. В заявлении истца также указывается, что в Российской Федерации не обеспечена реализация аналогичных ТК ТС норм статьи 50, пункта 1 статьи 51, пункта 3 статьи 55, пунктов 1 и 2 статьи 401, пунктов 4

и 7 статьи 405 ТК ЕАЭС, чем нарушены его права и законные интересы.

Решение Коллегии Суда построено на анализе норм ТК ЕАЭС, выбор которых в качестве применимого права не мотивирован и является ошибочным по указанным выше основаниям.

Не соглашаясь с выводами Коллегии Суда о возможности применения норм ТК ЕАЭС к рассматриваемым отношениям, тем не менее, с учетом их анализа в решении Коллегии Суда применительно к существующему правовому регулированию считаю необходимым сформулировать свою позицию по данному вопросу.

Действующие нормы ТК ЕАЭС *de lege lata* устанавливают солидарную обязанность декларанта и ряда иных лиц, включая таможенного представителя, как элемент публично-правовых отношений между таможенными органами и указанными лицами.

Вместе с тем, приведенные истцом в обоснование нарушенных, по его мнению, прав и законных интересов нормы ТК ЕАЭС, как и другие нормы данного акта права Союза, не регламентируют право таможенного представителя на предъявление регрессного требования к декларанту и вопросы, связанные с его реализацией, которые относятся к частноправовым.

Так, статья 50 ТК ЕАЭС устанавливает круг плательщиков таможенных пошлин, налогов, к которым отнесены декларант или иные лица, у которых возникла обязанность по их уплате.

Согласно пункту 1 статьи 51 ТК ЕАЭС объектом обложения таможенными пошлинами, налогами являются товары, перемещаемые через таможенную границу Союза, а также иные товары в случаях, предусмотренных ТК ЕАЭС.

Пунктом 3 статьи 55 ТК ЕАЭС закреплен порядок действий таможенного органа в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанности по уплате таможенных пошлин, налогов.

Пункты 1 и 2 статьи 401 ТК ЕАЭС закрепляют правовой статус таможенного представителя, который совершает от имени и по поручению декларанта или иных заинтересованных лиц таможенные операции, а также устанавливают, что отношения таможенного представителя с декларантами или иными заинтересованными лицами строятся на договорной основе.

В соответствии с пунктом 4 статьи 405 ТК ЕАЭС таможенный представитель несет солидарную с декларантом обязанность по уплате таможенных пошлин, налогов.

В пункте 7 статьи 405 ТК ЕАЭС содержится правило о том, что обязанности таможенного представителя перед таможенными органами не могут быть ограничены договором с представляемым лицом.

Следует отметить, что установленная в ТК ЕАЭС солидарная обязанность предусматривает право кредитора в обязательстве по уплате таможенных платежей – таможенного органа государства-члена – предъявить соответствующее требование об уплате солидарным должникам – декларанту и таможенному представителю. Таким образом, солидарная обязанность таможенного представителя и декларанта, закрепленная в ТК ЕАЭС, представляет собой дополнительный механизм реализации фискальной функции государств-членов, обеспечиваемой на уровне и в интересах Союза, что предопределяет ее публично-правовой характер.

Аналогичного подхода придерживается Суд Европейского союза, сформулировавший в решении от 17 февраля 2011 г. по делу *C-78/10 Berel and Others* и повторивший в решении от 18 мая 2017 г. по делу № *C-154/16 «Latvijas Dzelzceļš» VAS v Valsts ieņēmumu dienests* правовую позицию о том, что солидарная ответственность представляет собой дополнительный правовой инструмент национальных государственных органов для усиления эффективности их деятельности по взысканию таможенных платежей, при том, что ее цель состоит в необходимости взыскания таможенного платежа и, следовательно, обеспечении собственных ресурсов интеграционного объединения.

Таким образом, с одной стороны, установление в ТК ЕАЭС солидарной обязанности таможенного представителя и декларанта является гарантией исполнения обязательств по уплате таможенных платежей указанными лицами, в том числе под угрозой исключения таможенного представителя из реестра таможенных представителей. С другой стороны, правовая связь декларанта и таможенного представителя опосредована заключенным между ними договором, предусматривающим совершение таможенным представителем действий в рамках таможенных правоотношений в интересах декларанта.

Для уяснения содержания международных договоров применяется Венская конвенция Организации Объединенных Наций о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (далее – Венская конвенция), которая содержит правила и принципы их толкования. В частности, пунктом 1 статьи 31 Венской конвенции установлено общее правило о том, что международный договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам международного договора в их контексте, а также в свете объекта и целей международного договора. Специальное значение придается термину в том случае, если установлено, что участники имели такое намерение (пункт 4 статьи 31 Венской конвенции).

Определение термина «солидарная обязанность» в ТК ЕАЭС не раскрывается, что свидетельствует об отсутствии намерения государств-членов наделить его специальным значением.

Одновременно пунктом 6 статьи 2 ТК ЕАЭС предусмотрено, что понятия гражданского законодательства и других отраслей законодательства, используемые в ТК ЕАЭС, применяются в каждом из государств-членов в том значении, в котором они используются в соответствующих отраслях законодательства государства-члена, если иное не установлено ТК ЕАЭС.

Предметом толкования в данном деле является понятие гражданского законодательства «солидарная обязанность», используемое в ТК ЕАЭС в отсутствие установления иного его содержания или специальных правил применения. Для такой солидарной обязанности на уровне ТК ЕАЭС определены основания возникновения, ее субъектный состав, включающий таможенный орган как кредитора и декларанта и таможенного представителя как солидарных должников, а также порядок направления уведомления декларанту и таможенному представителю о неуплаченных в установленный срок суммах таможенных пошлин и налогов (пункт 3 статьи 55 ТК ЕАЭС). Приведенное также подтверждает, что основной целью установления указанных особенностей солидарной обязанности является реализация публично-правовой фискальной функции государств-членов на уровне и в интересах Союза.

Иные элементы правового механизма солидарной обязанности, кроме названных выше, с учетом их отсутствия в праве Союза закрепляются в гражданском законодательстве государств-членов.

Пунктом 1 статьи 326 Модельного гражданского кодекса для государств – участников Содружества Независимых Государств, принятого Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 29 октября 1994 г. (далее – Модельный ГК СНГ) установлено, что солидарная обязанность возникает, если она предусмотрена договором или установлена законом. Названный подход был воспринят в национальном законодательстве государств – членов Союза (пункт 1 статьи 361 Гражданского кодекса Республики Армения, пункт 1 статьи 303 Гражданского кодекса Республики Беларусь, статья 311 Гражданского кодекса Кыргызской Республики, часть вторая пункта 1 статьи 287 Гражданского кодекса Республики Казахстан, пункт 1 статьи 322 Гражданского кодекса Российской Федерации).

В этой связи установление солидарной обязанности на уровне ТК ЕАЭС, являющегося международным договором в рамках Союза, не вступает в противоречие с общепринятыми в законодательстве государств – членов Союза основаниями ее возникновения – договором и правовым актом.

В Модельном ГК СНГ (статья 328) и национальном законодательстве государств – членов Союза (статья 364 Гражданского кодекса Республики Армения, статья 306 Гражданского кодекса Республики Беларусь, статья 313 Гражданского кодекса Кыргызской Республики, статья 289 Гражданского кодекса Республики Казахстан, статья 325 Гражданского кодекса Российской Федерации) содержатся правила на случай исполнения солидарной обязанности одним из должников, включая право на регрессное требование исполнившего должника.

Вместе с тем такое право не является безусловным. Доктринальный подход к правовой природе регрессного обязательства принимает во внимание характер и условия правоотношений в нем между кредитором (исполнившим должником) и должником, обуславливающий возложение на должника обязанности по возмещению кредитору суммы, уплаченной за него другому лицу.

Как следствие, национальными судами государств – членов Союза при разрешении дел о взыскании с декларанта в порядке регресса сумм таможенных платежей, уплаченных таможенным представителем в рамках солидарной обязанности, *inter alia* может учитываться ряд не основанных на нормах права Союза обстоятельств, связанных с возникновением и исполнением регрессного обязательства, в том числе распределение обязанностей и ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств согласно договору между таможенным представителем и декларантом, устанавливаемых с учетом принципа состязательности сторон.

Таким образом, ТК ЕАЭС не регулирует вопросы исполнения обязательств, связанных с предъявлением таможенным представителем регрессных требований к декларанту при исполнении солидарной обязанности по уплате таможенных платежей, равно как и вопросы каких-либо компенсаций в отношениях между указанными хозяйствующими субъектами. Из системного анализа норм ТК ЕАЭС и гражданского законодательства государств – членов Союза следует, что право обратного требования (регресса) и право на иные компенсационные выплаты от декларанта при исполнении таможенным представителем солидарной обязанности по уплате таможенных платежей имеют гражданско-правовую природу, регулируются национальным законодательством государств – членов Союза и защищаются предусмотренными им способами защиты гражданских прав.

Исходя из этого, право на предъявление регрессных требований к декларанту при исполнении солидарной обязанности по уплате таможенных платежей не предоставлено таможенному представителю актами права Союза, в связи с чем рассмотрение споров, связанных с реализацией данного права, не входит в компетенцию Суда.

В решении Коллегии Суда также указано, что, во-первых, право на регрессное взыскание является институтом процессуального права, во-вторых, что солидарная обязанность субъектов таможенных правоотношений (институт материального права, содержащийся в международном договоре) подлежит защите в гражданском процессуальном праве через право плательщика на регрессный иск к обязанному лицу.

Тем самым произошла подмена понятий регрессного обязательства, возникающего в связи с исполнением солидарной обязанности, и исковой формы защиты.

Поставленные истцом перед Комиссией вопросы касаются исполнения регрессного обязательства, а не способа защиты своих прав в судебном порядке (с предъявлением регрессного или иного иска). Более того, в рамках рассмотрения данного дела Коллегией Суда не исследовалось исковое заявление ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг» в судебные органы Российской Федерации, не устанавливались предмет и основание предъявленных им к декларанту исковых требований.

Ошибочность в квалификации регрессных обязательств, которые следует относить к институту материального права частноправового характера, в условиях, когда и солидарные обязательства, и регрессные обязательства составляют основу обязательственного (материального) права, обусловила фактическое создание Коллегией Суда в нарушение пункта 102 Статута Суда новой правовой нормы, построенной на неверном понимании правовой сущности солидарной обязанности, возникающей на основании закона (правового акта), и регрессного обязательства как следствия исполнения солидарной обязанности.

2.4. В соответствии с пунктом 1 статьи 45 Регламента Суда при рассмотрении дела по заявлению хозяйствующего субъекта об оспаривании решения Комиссии или его отдельных положений и (или) действия (бездействия) Комиссии Суд в судебном заседании осуществляет проверку:

- а) полномочий Комиссии на принятие оспариваемого решения;
- б) факта нарушения прав и законных интересов хозяйствующих субъектов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных им Договором и (или) международными договорами в рамках Союза;
- в) оспариваемого решения или его отдельных положений и (или) оспариваемого действия (бездействия) Комиссии на соответствие их Договору и (или) международным договорам в рамках Союза.

С учетом правовой позиции, сформулированной в решении Апелляционной палаты Суда от 7 октября 2020 г. по делу по заявлению акционерного общества «Транс Логистик Консалт» применительно

к подпункту «а» пункта 1 статьи 45 Регламента Суда, в делах по заявлениям хозяйствующих субъектов об оспаривании действий (бездействия) Комиссии подлежит выяснению факт наличия у Комиссии полномочия на совершение определенного действия.

Таким образом, Коллегия Суда должна была проверить все обстоятельства, предусмотренные пунктом 1 статьи 45 Регламента Суда, и сформулировать по ним соответствующие выводы. Вместе с тем в решении Коллегии Суда отсутствует анализ выполнения подпунктов «а» и «б» пункта 1 статьи 45 Регламента Суда, а выводы в отношении подпункта «в» указанной нормы не основаны на фактических обстоятельствах дела и применимом праве.

На Комиссию в соответствии с Положением о Евразийской экономической комиссии, являющимся приложением № 1 к Договору (далее – Положение о Комиссии), возложена функция осуществления мониторинга и контроля исполнения международных договоров, входящих в право Союза, и решений Комиссии (подпункты 4 и 5 пункта 24, подпункт 4 пункта 43, подпункты 5 и 6 пункта 52, подпункты 2 и 3 пункта 55 Положения о Комиссии).

Следует отметить, что основная цель мониторинга и контроля заключается в проверке соблюдения государствами-членами положений международных договоров и актов, составляющих право Союза.

Анализ выполнения Коллегией Суда требований подпункта «а» пункта 1 статьи 45 Регламента Суда показывает, что Комиссия не наделена полномочиями на совершение требуемого от нее истцом действия, поскольку отношения, связанные с регрессным взысканием таможенным представителем с декларанта уплаченных при исполнении солидарной обязанности сумм таможенных платежей, не регулируется актами права Союза.

Проверка соблюдения требований подпункта «б» пункта 1 статьи 45 Регламента Суда свидетельствует, что *de-facto* и *de-jure* право на регрессное взыскание с декларанта уплаченных при исполнении солидарной обязанности сумм таможенных платежей не предоставлено таможенному представителю ТК ЕАЭС и иными актами права Союза. Как в обращении в Комиссию, так и в обращении в Суд истцом не приведены достаточные и объективные сведения о нарушении предоставленных ему именно актами права Союза прав и законных интересов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. В то же время истцом указано, что непосредственно затрагивающим его права и законные интересы является отказ судов Российской Федерации ему как таможенному представителю в регрессном взыскании с декларанта сумм таможенных платежей, уплаченных во исполнение солидарной обязанности, то есть практика применения судами Российской Федерации национального гражданского

законодательства при рассмотрении конкретных споров, имеющая место в правовой системе государства – члена Союза, при отсутствии правовой регламентации данных правоотношений в праве Союза.

В решении Апелляционной палаты Суда от 3 марта 2016 г. по делу по заявлению индивидуального предпринимателя Тарасика К.П. сформулирован подход, согласно которому если с просьбой об инициировании процедуры мониторинга и контроля в Комиссию обращается хозяйствующий субъект, то *conditio sine qua non* (необходимым условием) для совершения Комиссией юридически значимых действий должны быть достаточные и объективно обоснованные сведения о нарушении его прав и законных интересов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных ему Договором и (или) международными договорами в рамках Союза. Факты отсутствия таких сведений, их непредставления, а равно отсутствия самого нарушения не порождают встречной обязанности Комиссии проводить мониторинг и контроль в соответствии с подпунктом 4 пункта 43 Положения о Комиссии, поскольку *ex facto jus oritur* (право возникает из факта).

При проверке исполнения подпункта «в» пункта 1 статьи 45 Регламента Суда, с учетом приведенного выше, следует констатировать, что отношения, связанные с уплатой таможенных платежей и установлением солидарной обязанности декларанта и таможенного представителя как солидарных должников перед кредитором в лице таможенного органа, являются публично-правовыми и регулируются нормами права Союза, тогда как иные отношения между указанными субъектами, в том числе возникающие в связи с правом обратного требования (регресса) при исполнении солидарной обязанности, носят частноправовой характер, основаны на договоре между ними и регламентированы национальным законодательством государств-членов, а не актами права Союза.

В этой связи отказ Комиссии истцу в совершении требуемых от нее действий является правомерным и не может рассматриваться как бездействие, непосредственно затрагивающее и нарушающее права и законные интересы истца, предоставленные ему актами права Союза.

2.5. Согласно пункту 41 Статута Суда вопрос о наличии компетенции Суда по разрешению спора разрешается Судом. Суд при определении того, обладает ли он компетенцией рассматривать спор, руководствуется Договором, международными договорами в рамках Союза и (или) международными договорами Союза с третьей стороной.

При этом решение Судом вопроса о своей компетенции не означает возможность ее произвольного расширения за счет любых категорий споров, а предоставляет Суду дискрецию исключительно в пределах границ, очерченных главой IV Статута Суда.

Подпунктом 2 пункта 39 Статута Суда закреплена компетенция Суда по рассмотрению споров, возникающих по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза по заявлению хозяйствующего субъекта об оспаривании действия (бездействия) Комиссии, непосредственно затрагивающего права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, если такое действие (бездействие) повлекло нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

Тем самым обязательными кумулятивными условиями для определения Судом своей компетенции *ratione materiae* на рассмотрения данного вида споров являются:

- 1) спор касается вопросов реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза;
- 2) бездействие Комиссии затрагивает права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности;
- 3) правовым последствием бездействия Комиссии является нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов истца.

Одновременно для установления компетенции Суда *ratione personae* и определения наличия у истца *locus standi* на обращение в Суд правовой статус хозяйствующего субъекта должен соответствовать признакам, содержащимся в части второй пункта 39 Статута Суда.

В настоящем деле тот факт, что данный спор не касается реализации актов права Союза, а нарушенные, по мнению истца, права и законные интересы не предоставлены ему Договором и (или) международными договорами в рамках Союза, то есть не могут быть нарушены вследствие бездействия Комиссии, мог быть установлен Коллегией Суда на стадии решения вопроса о приемлемости заявления. В этой связи Коллегии Суда следовало прийти к выводу об отсутствии у Суда компетенции *ratione materiae* на рассмотрение данного спора и в соответствии с подпунктом «а» пункта 2 статьи 33 Регламента Суда вынести постановление об отказе в принятии заявления истца к производству. Несмотря на это, Коллегия Суда в постановлении от 1 марта 2021 г. установила свою компетенцию по рассмотрению спора, но с оговоркой *prima facie*, оставив тем самым для себя возможность вернуться к данному вопросу позднее.

В дальнейшем в судебном заседании Коллегия Суда имела возможность еще раз убедиться, что:

- 1) данный спор не касается вопросов реализации права Союза;
- 2) отсутствует нарушение прав и законных интересов истца, предоставленных ему актами права Союза;

3) у Комиссии отсутствуют полномочия на принятие мер, направленных на обеспечение соблюдения и применения в государстве-члене гражданско-правовых норм, регламентирующих последующие обязательства, возникающие в связи с исполнением декларантами и таможенными представителями солидарной обязанности по уплате таможенных пошлин и налогов, поскольку регулирование указанных вопросов отсутствует в праве Союза и содержится исключительно в национальном законодательстве государств-членов.

По этим основаниям Коллегии Суда надлежало прекратить производство по делу в соответствии с подпунктом «а» пункта 1 статьи 56 Регламента Суда с вынесением соответствующего постановления (подпункт 3 пункта 95 Статута Суда).

2.6. Таким образом, приняв решение от 27 апреля 2021 г., Коллегия Суда фактически создала прецедент, наделяющий Комиссию обязанностью проводить мониторинг и контроль исполнения государствами-членами в лице их судебных органов национального законодательства по вопросам, не урегулированным в праве Союза и не переданным на наднациональный уровень, то есть, по сути, вмешиваться в суверенные дела государств-членов. Для Суда же такой прецедент означает неограниченное расширение его компетенции, при котором к производству может быть принято заявление хозяйствующего субъекта, имеющее лишь произвольные ссылки на нормы права Союза, даже если нарушенные, по мнению хозяйствующего субъекта, права и законные интересы не предоставлены ему правом Союза, а регулируются исключительно национальным законодательством государств-членов.

По указанным основаниям полагаю, что принятое Коллегией Суда решение не основано на праве Союза и не способствует достижению цели деятельности Суда, установленной пунктом 2 Статута Суда – обеспечению единообразного применения государствами-членами и органами Союза Договора, международных договоров в рамках Союза, международных договоров Союза с третьей стороной и решений органов Союза.

Судья

Д.Г.Колос